

УДК 808.1; 82.08
ББК Ш5(2Рос=Рус)

М.А. Дударева

О ФОЛЬКЛОРИЗМЕ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Статья посвящена почти не разработанной проблеме в литературоведении – фольклорной традиции в поэтике О.Э. Мандельштама. Ученые обращались к проявлению мифологической традиции в художественном мире поэта, выявляя разные архетипические модели, но почти не уделяли внимание фольклорным элементам. Опыт фольклористического комментария одного позднего стихотворения позволяет иначе понять образную структуру текста и выводит читателя на онтологический уровень содержания.

Ключевые слова: фольклор, литература, Мандельштам, «тот свет», Маяковский, образ рыбы.

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-98-105

Дударева Марианна Андреевна – канд. филол. наук, преподаватель кафедры русского языка № 2 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов
Тел.: 8-919-777-21-86
E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

© Дударева М.А., 2019.

Вопрос о фольклорном начале в творчестве О.Э. Мандельштама основательно не поднимался, хотя его поэзию принято рассматривать в контексте традиций мировой литературы, античного наследия и мифов, преимущественно эсхатологической направленности – последнее наиболее близко к интересующей нас проблеме. О мифологической концепции его творчества писали не мало – она подробно разрабатывалась в исследованиях Л.Г. Кихней [Кихней, 2005], Е.Н. Костериной [Костерина, 2001], а также в диссертации Н.И. Петровой «Культурно-религиозная парадигма в творчестве Осипа Мандельштама», где исследователь упоминает фольклор как важный модус для творческой лаборатории акмеиста [Петрова, 2012]. Собственно этих исследователей и не стоит упрекать, потому что перед ними стояли иные цели и задачи. Только в последнее время стали появляться статьи, где вскользь упоминается о фольклорных элементах в творчестве поэта, и то это связывают, прежде всего, со стилизаторством, открытым типом фольклоризма [Пенкина, 2016; Шиндин, 2018]. Однако интерес к фольклорной составляющей в поэтике Мандельштама возник не столько в работах литературоведов, сколько в разысканиях фольклористов, посвященных, как ни странно на первый взгляд, детскому фольклору, причем детским играм о смерти.

Так, в статье Д.А. Несанелис и В.Э. Шарапова «Тема смерти в детских играх: опыт этносемиотического анализа (по материалам традиционной культуры коми)»

рассматривается сложная семантика детских игр «Кар туй», «Йома туй», основная суть которых состоит в путешествии в *иное царство*, в *преодолении порога* обыденного [Несанелис, Шарапов, 1994]. Кроме того, есть и игры с прямым значением – *игра в мертвяка, в покойника*. Цель этой статьи заключалась не только в описании детских игр, связанных со смертью, но и в размышлениях о лиминальной, т.е. переходной природе ребенка как единицы общества (*лиминальность* – понятие В. Тернера [Тернер, 1983, с. 169]). И проводя литературные параллели, ученые обращаются к Маркесу, Эко, Мандельштаму, цитируя интересующее нас стихотворение [Несанелис, Шарапов, 1994, с. 131]. Скорее всего, это единственный фольклористический комментарий к этому тексту, заслуживающему, безусловно, более пристального внимания.

В первой строфе сразу же проявляется *мортальный подтекст*, но смысл его раскрывается через противопоставление двух социальных категорий – «взрослого», зрелого человека и «ребенка»:

О, как мы любим лицемерить
И забываем без труда
То, что мы в детстве ближе к смерти,
Чем в наши зрелые года. (Мандельштам, с. 319)

Если не обращаться к фольклорной и архетипической составляющей, то возникает закономерный вопрос о *положении* ребенка. Почему «в детстве» ближе к смерти? Ребенок беззащитен и подвержен опасности? Но эти ли посредственные вещи волнуют поэта? Видимо, речь идет все-таки не об этом. Исходя из народных представлений о статусе детей и стариков, обнаруживаем их *пограничное* положение между *этим* и *иным миром*. Это отразилось в разных жанрах фольклора и в дожанровых образованиях, обрядовой культуре (в сказках, играх) [Бернштам, 2011, с. 95].

В детстве ближе к смерти – потому что ребенок острее ощущает *онный мир*, даже стремится приподнять завесу, на что указывают описанные выше игры (рис. 1). Человек взрослый перестает верить в *чудо*, утрачивает *сакральное ощущение мира*.

Детский рисунок, изображающий представление ребенка о дороге (кривой, блуждающей) в «страну мертвых». Рисунок взят из упомянутой выше статьи этнографов, которые предложили детям нарисовать линию, дорогу, ведущую к Еме, т.е. в *иное царство*. Дорога извилистая и кривая – это вполне соотносится с «кривыми» невидимыми дорожками к кладбищу, заброшенным местам, топосами *того мира*.

Глагол «лицемерить» с яркой экспрессивной семантикой указывает именно на то, что взрослый человек даже намеренно забывает о существовании тайного мира, о том, что всех ожидает один конец.

Кроме того, эта парадигма «ребенок – взрослый» включена в *онтологический план* поэтики Мандельштама. Исследователи давно отметили, что в позднем творчестве поэта образ ребенка связан с темой Вселенной, философией жизни и смерти: «Образ ребенка в поэзии

Мандельштам устойчиво связан с бесконечностью» [Пороль, 2011, с. 41], а также «в поздних стихотворениях связь младенческого/детского состояния со смертью становится самостоятельным предметом рефлексии лирического героя» [Бурая, 2014, с. 84]. Значит, наша *фольклористическая догадка* подтверждается – речь идет не о социальном, а о *бытийном* статусе ребенка. Теперь обратимся ко второй строфе.

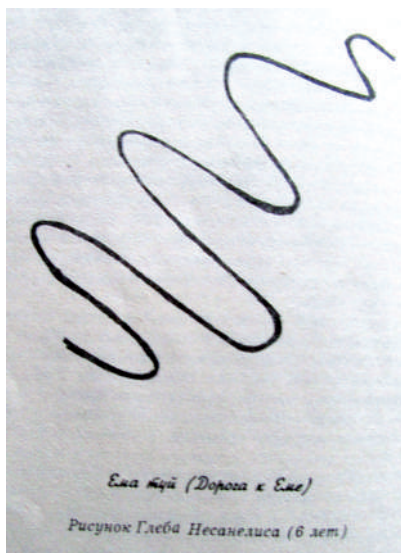

Рис. 1. «Дорога к Еме» – рисунок ребёнка

Во второй строфе также проявляется образ ребенка, но важно то, что на лексическом уровне этот образ включен во фразеологическую единицу: «обиду тянет с блюда невыспавшееся дитя»:

Еще *оби́ду* *тянет* с блюда
Невыспавшееся дитя,
А мне уж не на кого дуться
И я один на всех путях. (Мандельштам, с. 319)

О.В. Куманюк, исследующая идиомы в творчестве акмеистов, отмечает: «концепт "Время", объективированный фразеологизмами в поэзии О. Мандельштама, часто соотносим с историческим и культурным контекстом изображаемого:

Возгласы темно-зеленой хвои,
С глубиной колодезной венки
Тянут *жизнь* и время дорогое,
Опершись на смертные станки –
Обручи краснознаменной хвои,
Азбучные, крупные венки!
(Мандельштам О. «Не мучнистой бабочкою белой...»)).
[Куманюк, 2008, с. 12]

В нашем случае фразеологическая единица изменена – «тянет с блюда» невыспавшееся дитя. С одной стороны, это можно понимать как замедление времени, нежелание выйти из состояния «обида», с другой стороны – дитя *невыспавшееся*, находящееся в положении между сном и явью. И снова это указывает на состояние «порога», границы между *тем* и *этим миром*. Однако лирический герой все-таки противопоставляет себя этому «дитя», но также и не отрешается от сакрального мира и не уходит в бытовое, как другие взрослые. На последнее указывает третья строфа.

Но не хочу уснуть, как рыба,
В глубоком обмороке вод,
И дорог мне свободный выбор
Моих страданий и забот. [Мандельштам, с. 319]

Эта часть стихотворения не менее интересная и семантически напряженная. Понятна ответственность за собственный путь: «дорог мне свободный выбор моих страданий и забот». Но почему вдруг в поэтическую ткань встраивается образ рыбы? Здесь вполне возможен и уместен, на наш взгляд, биографический и этнографический комментарий.

В 1930-е гг. поэт пребывает в Армении и не просто живет там с женою, а пропитывается духом Востока, много работает (поэтически). Эта увлеченность Арменией, по наблюдениям исследователей, началась давно, до реальной поездки [Кубатьян, 2012]. Она была книжной, но потом мечта поэта осуществилась, и он создал отдельный цикл стихов. Так, разбираемое стихотворение написано уже после поездки и хоть не содержит прямой отсылки к восточной тематике, но может быть связано с культурой Армении.

В Армении долгое время (вплоть до XX в.) был ярко представлен культ Матери-рыбы, выражавшийся физически в изваяниях божества, расположенных по берегам водоемов: «<...> культ исполинских каменных рыб, сохранившихся на территории Южной Грузии и Армении и относящихся к эпохе мегалитической культуры <...> Эти каменные стелы в форме рыб, достигающие иногда нескольких метров, стоят вертикально у источников рек и озер и именуются *вешапы* в Грузии и *вишапы* в Армении» [Вирсаладзе, 1973, с. 16]. Если говорить о мифологической традиции, то «в Армении, преимущественно в высокогорных районах, сохранились изваяния вишапов-рыб», а также «У армян сохранилась древнейшая легенда о Мировой Рыбе Лекеоне, которая вечно плавает в Космическом Океане <...>» [Мирзоян, 2013].

На типологическом уровне продуктивно обращение к поэтике В.В. Маяковского, поздней поэме «150000000», в образной ткани которой встречаем *людей в виде рыбы*:

Страшная буря на Тихом океане.
Сошли с ума муссоны и пассаты.
На Чикагском побережье выловлены рыбы.

Очень странные.

В шерстях.

Носатые. [Маяковский, т 2, с. 139–140]

Однако Маяковский «не следует» за фольклором, а *трансформирует фольклорную традицию* таким образом, что Иван лишь сравнивается с рыбой:

Насчет рыб ложь.

Рыбак спьяну местный.

Муссоны и пассаты на месте.

Но буря есть.

Даже еще страшней.

Причины неизвестны. [Маяковский, т. 2, с. 140]

Итак, рыба – мифологическое животное, соединяющее миры. Как же это соотносится у Мандельштама с предыдущими частями текста? Если провести параллели с образом ребенка, который возникает дважды в стихотворении, то можно образ рыбы как бы наложить на образ ребенка. Ребенок у Мандельштама – человек, чувствующий *границу* между бытовым и бытийным, но он еще непонимающее, с точки зрения рационального представления, дитя. Рыба – также пограничное существо, как ребенок. Кроме того, рыба в фольклоре не редко связана с *иным царством*, русская сказка знает сюжет о переносе культурного героя в теле рыбы [Пропп, 1986, с. 316]. Лирический же герой Мандельштама оказывается «один на всех путях» и чувствует ответственность за течение жизни. Таким образом, ни один из образов не выбивается из архитектоники и ритуальной логики стиха. Ребенок, рыба задают *архетипический и фольклорный план* в тексте. (рис. 2).

Рис. 2. Вишاپ – каменный идол большой рыбы, олицетворяющей древний культ. Кавказ

Итак, стихотворение Мандельштама представляет собой целый поэтический космос, где каждая деталь важна и создает свой план. Фольклористический комментарий, выявление архетипических построений, связанных с образом ребенка и рыбы (они вполне взаимозаменяемы) позволяет увидеть *онтологическое пространство* в тексте. Кроме того, необходим и биографический, а также этнографиче-

ский комментарий, так как, по тонкому наблюдению О. Лекманова, после поездки в Армению многое в «мироощущении и стихах поэта поменялось коренным образом» [Лекманов, 2003, с. 143]. Подобное целостное комментирование текста позволяет также поставить вопрос о латентной природе фольклоризма творчества Мандельштама, который ранее не ставился и нуждается в тщательной проработке – теоретической и практической. На примере одного стихотворения мы увидели, как взаимодействует литературная и фольклорная традиции в пределах одного текста. Также особо стоит обратить внимание на *внутренний характер* проявления фольклорной образности, что, видимо, усложняет задачу будущих исследователей, а иногда их и останавливает.

Литература

- Бернштам Т.А. Герой и его женщины: образы предков в мифологии восточных славян. СПб.: МАЭ РАН, 2011. 372 с.
- Буряя М.А. Восточные универсалии в творчестве О.Э. Мандельштама. Владивосток: Дальневост. федеральн. ун-т, 2014. 148 с.
- Вирсаладзе Е.Б. Предисловие // Грузинские народные предания и легенды. М.: Наука, 1973. С. 5 – 44.
- Кихней Л.Г. Эсхатологический миф в позднем творчестве Мандельштама // Вестн. Моск. гос. ун-та. Серия 9. Филология. М. 2005. № 6. С. 108 – 122.
- Костерина Е.Н. Художественный мифологизм творчества Осипа Мандельштама: дис. ... канд. фил. наук. Нерюнгри, 2001. 179 с.
- Кубатьян Г. Бегство в Армению и другие этюды о Мандельштаме // Вопросы литературы. 2012. № 3. С. 65 – 99.
- Куманюк О.В. Идиоматика поэзии акмеистов (когнитивно-дискурсивный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008. 19 с.
- Лекманов О. Жизнь Осипа Мандельштама. Документальное повествование. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2003. 240 с.
- Мандельштам О.Э. О, как мы любим лицемерить // Мандельштам О.Э. Избранное. М.: Интерпринт, 1991.
- Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Гослитиздат, 1955–1961.
- Мирзоян Э.А. Древнейшие армянские мистерии и их трансформация (Электронный ресурс). // Грани эпохи. № 54. 2013. URL: <http://grani.agni-age.net/index.htm?issue=70&article=5407> (дата обращения 26.06.2018).
- Несанелис Д.А., Шапаров В.Э. Тема смерти в детских играх: опыт этносемиотического анализа (по материалам традиционной культуры коми) // Смерть как феномен культуры: межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1994. С. 122 – 134.
- Пенкина А.М. Народная песня в творчестве Осипа Мандельштама // Верхневолжский филол. вестн. 2016. № 3. С. 8 – 14.
- Петрова Н.И. Культурно-религиозная парадигма в творчестве Осипа Мандельштама: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Пороль О.А. Онтологическое пространство в поэзии Мандельштама // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2011. № 6. С. 38 – 43.
- Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с.

Тернер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура // Тернер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. С. 104 – 264.

Шиндин С. «Шишига Его смутил» [рец. на: Мандельштам О.Э. Собрание стихотворений 1906–1937 / сост. О.А. Лекманова, М.А. Амелина, коммент. и библиогр. О.А. Лекманова, Е.А. Глуховской, А.А. Чабан. М.: Рутения, 2017] // Волга. 2018. № 1-2. С. 229 – 232.

References

Bernshtam T.A. *Geroy i yego zhenshchiny: obrazy predkov v mifologii vostochnykh slavyan*. SPb., 2011. 372 p. (In Russian).

Buraya M.A. *Vostochnyye universalii v tvorchestve O.E. Mandel'shtama*. Vladivostok, 2014. 148 p. (In Russian).

Virsaladze E.B. *Predisloviye. Gruzinskiye narodnyye predaniya i legendy*. M., 1973. pp. 5-44. (In Russian).

Kikhney L.G. Eshkhatologicheskii mif v pozdnem tvorchestve Mandel'shtama. *Vestn. Mosk. gos. un-ta. Seriya 9. Filologiya*, 2005, no. 6, pp. 108-122. (In Russian).

Kosterina E.N. *Khudozhestvennyy mifologizm tvorchestva Osipa Mandel'shtama: dis. ... kand. filol. nauk*. Neryungri, 2001. 179 p. (In Russian).

Kubat'yan G. Begstvo v Armeniyu i drugiye ehtyudy o Mandel'shtame. *Voprosy literatury*, 2012, no. 3, pp. 65-99. (In Russian).

Kumanyuk O.V. *Idiomatika poehzii akmeistov (kognitivno-diskursivnyy aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Belgorod, 2008. 19 p. (In Russian).

Lekmanov O. *Zhizn' Osipa Mandel'shtama. Dokumental'noye povestvovaniye*. SPb., 2003. 240 p. (In Russian).

Mandel'shtam O.E. O, kak my lyubim litsemerit', *Mandel'shtam O.E. Izbrannoye*. M., 1991. (In Russian).

Mayakovskiy V.V. *Poln. sobr. soch.: v 13 t.* M., 1955–1961. (In Russian).

Mirzoyan Eh.A. Drevneyshiye armyanskiye misterii i ikh transformatsiya, *Grani ehpokhi*, 2013, no. 54. Available at: <http://grani.agni-age.net/index.htm?issue=70&article=5407> (accessed 26.06.2018) (In Russian).

Nesanelis D.A., Sharapov V.Eh. Tema smerti v detskikh igrakh: opyt ehtnosemioticheskogo analiza (po materialam traditsionnoy kul'tury komi). *Smert' kak fenomen kul'tury. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Syktyvkar, 1994. pp. 122-134. (In Russian).

Penkina A.M. Narodnaya pesnya v tvorchestve Osipa Mandel'shtama. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestn.*, 2016, no 3, pp. 8-14. (In Russian).

Petrova N.I. *Kul'turno-religioznaya paradigma v tvorchestve Osipa Mandel'shtama: dis. ... kand. filol. nauk*. M., 2012. (In Russian).

Porol' O.A. Ontologicheskoye prostranstvo v poehzii Mandel'shtama. *Vestn. Orenburgskogo gos. un-ta*, 2011, no. 6, pp. 38-43.

Propp V.Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki*. Leningrad, 1986. 364 p. (In Russian).

Turner V. Ritual'nyy protsess. Struktura i antistruktura. *Simvol i ritual*. M., 1983. pp. 104-264. (In Russian).

Shindin S. «Shishiga Yego smutil» [rets. na: Mandel'shtam O.E. Sobraniye stikhotvoreniiy 1906–1937, sost. O.A. Lekmanova, M.A. Amelina, komment. i bibliogr. O.A. Lekmanova, E.A. Glukhovskoy, A.A. Chaban. M.: Ruteniya, 2017], *Volga*, 2018, no. 1-2, pp. 229-232. (In Russian).

Marianna A. Dudareva (Moscow, Russian Federation)
About the Folklorism of O. Mandelstam: Statement of the Issue

The article deals with the under examined problem in literary studies: a folklore tradition in O. Mandelstam's poetry. The researchers studied manifestation of mythological tradition in the poet's artistic world and revealed different archetypal models but they paid no attention to folklore elements. The folklore commentary of one of the poems makes it possible to understand an image structure of the text in the other way and brings a reader to the ontological level of the content.

Key words: *folklore, literature, Mandelstam, "ideal topos", Mayakovsky, image of fish.*

Marianna A. Dudareva – Ph.D. of Philology, lecturer. Peoples' Friendship University of Russia, Faculty of Russian language and general educational disciplines. E-mail: marianna.galieva@yandex.ru